

Ч и т а й т е в с е р и и

Детство Иисуса

Сцены из провинциальной жизни

Узкая дорога на дальний север

Возлюбленная

Смерть речного лоцмана

Желание

Ричард
Флэнаган

Желание

Москва
2017

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Ф69

Richard Flanagan

WANTING

Copyright © 2008, Richard Flanagan. All rights reserved

Перевод с английского *С. Чулковой*

Художественное оформление *А. Саукова*

Разработка серии: *К. А. Терина*

Иллюстрация на обложке: Hulton Archive / Gettyimages.ru

Флэнаган, Ричард.
Ф69 Желание : [роман] / Ричард Флэнаган ; [пер. с англ. С. Чулковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-91225-4

1850-е годы. Далекие земли Тасмании объаты пожаром колонизации. Последние из свирепых племен, так долго сражавшихся с белыми, на грани вымирания. Несчастливая сирота Матинна оказывается в семье Джейн и Джона Франклин. Супруги уверены, что им удастся сделать из дикарки настоящую леди — строгая дисциплина, несомненно, должна помочь им.

А тем временем Чарльз Диккенс теряет голову от молодой актрисы. И ни девять детей, ни жена — ничто не может помешать писателю отдаться новому чувству.

Отныне желание правит жизнями этих людей. И только время покажет, как далеко оно может завести.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-699-91225-4

© Чулкова С., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается Кевину Перкинсу

Видите ли-с: рассудок, господа, есть вещь хорошая, это бесспорно, но рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотенье есть проявление всей жизни, то есть всей человеческой жизни...

Федор Достоевский

Несть числа желаниям человеческим.

Екклесиаст

Глава 1

Как это часто бывает с войнами, и эта закончилась неожиданно.

Человек, мало кому интересный, в недавнем времени плотник, а сегодня — скромный, но ретивый пресвитерианский проповедник, без оружия, в сопровождении «одомашненных» туземцев проследовал в глубь дикого острова и привел оттуда еще одну колоритную группу дикарей. В этих несчастных, грязных темнокожих людях уже не было прежнего неистовства. Многие страдали чахоткой. Как объяснил проповедник, это все, что осталось от свирепых племен Земли Ван-Димена¹, которые долго и жестоко сражались против белых. Странно, что кто-то из них вообще выжил.

Те, кто видел их впервые, удивлялись, как эта несчастная кучка аборигенов умудрилась противостоять мощи целой империи, сея ужас среди тех, кто пытался их искоренить. Неизвестно каким образом проповеднику удалось уговорить туземцев сняться с места, но с невероятным смирением,

¹ Земля Ван-Димена (*англ.* Van Diemen's Land) — первоначальное название острова Тасмания, расположенного к югу от Австралии, которое использовали европейские исследователи и поселенцы. — *Здесь и далее примеч. пер.*

хоть и с грустью по утерянной родине, они грузились маленькими партиями на небольшие корабли, которые отвозили их на далекий остров посреди океана, в сотнях миль между Землей Ван-Димена и австралийским континентом. Прибыв на остров, проповедник вошел в официальную должность хранителя с годовым окладом пятьсот фунтов и, получив в помощь туземца-катехизатора и небольшой гарнизон солдат, начал приобщать своих темнокожих подопечных к английской цивилизации.

Он уже делал некоторые успехи на этом поприще, которые и старался закрепить. Действительно, разве эти люди не стоят того, чтобы разбиться ради них в лепешку? Ведь они даже получили представление о Боге и об Иисусе. А с какой готовностью они отвечают на вопросы учителя-катехизатора, как вдохновенно расппевают религиозные гимны! Раз в неделю их водили на местный рынок, где они оживленно торговались, обменивая шкуры животных и ожерелья на табак и бусы из стекляшек. Жизнь в поселении можно было бы считать удовлетворительной, если бы каждый день кто-то из них не умирал.

Хранитель был в замешательстве: он пытался отучить их питаться ягодами, растениями, моллюсками и дичью, предлагая взамен муку, сахар и чай, и все же здоровье их становилось несравнимо хуже прежнего. Он научил их спать под английскими одеялами, они больше не ходили полуголыми и вшивыми, потому что он одел их в теплую английскую одежду, но все равно они продолжали кашлять, харкать кровью и умирать. И чем больше их умирало, тем сильнее хотели выжившие скинуть английскую одежду, отказаться от английской еды

и покинуть новые английские дома (которые в их представлении были захвачены дьяволом), — чтобы вернуться к тому времяпрепровождению, в котором находили удовольствие. Ведь днем они привыкли охотиться, а ночью — разжигать костры под открытым небом.

Шел год 1839-й. В этот год был сделан первый фотографический снимок, Абд аль-Кадир¹ объявил джихад французским оккупантам, и после публикации Чарльзом Диккенсом «Оливера Твиста» его звезда возшла еще выше. Между тем Хранитель терялся в догадках. Он только что внес в журнал очередную запись о вскрытии и собирался вернуться к написанию лекции о легочных заболеваниях.

¹ Абд аль-Кадир (1808–1883) — арабский эмир, национальный герой Алжира, полководец, ученый, оратор и поэт. В 1832–1847 годах возглавлял восстание против французской оккупации Алжира.

Глава 2

Когда из дома Диккенсов прибежала служанка и сообщила о смерти ребенка, Джон Форстер не растерялся, ибо растерянность — признак слабого характера, а уж он-то, Форстер, никогда не терял присутствия духа. Полный, с лицом как у мастифа, с животом как у гусака, Форстер был во всем тяжеловесен — в своих разумных суждениях, воззрениях на мораль и даже в манере говорить. Форстер для Диккенса являл земное притяжение, когда сам он был «воздухоплавателем». Хотя он и подтрунивал над своим секретарем, Диккенс был искренне привязан к Форстеру, который оказался надежен в делах и всегда мог дать умный совет.

Форстер был горд, что на него во всем полагались, и поэтому сегодня решил подождать с печальной новостью, пока Диккенс не закончит свою речь. Хотя в связи с последними событиями он неоднократно пытался отговорить патрона от выступления во Всеобщем театральном фонде, Диккенс стоял на своем. Бог мой, да еще сегодня утром на Девоншир-террас он буквально умолял его все отменить.

— Я не могу, я обещал, — ответил тогда писатель. Диккенс как раз играл в саду с младшими детьми. Он подхватил на руки свое последнее,

девятое дитя, малышку Дору, поднял ее над собой, радостно улыбаясь, глядя, как она молотит по воздуху ручонками, словно маленький барабанщик. — Нет, я определенно не могу отказать. Нам это нужно.

Форстеру хотелось возразить, но он сдержался. Надо же — «нам это нужно». Он знал, что иногда Диккенс считает себя скорее актером, чем писателем. Чушь, конечно, но человека не переделаешь. Диккенс обожал театр. Он любил весь этот выдуманный мир, когда мановением руки можно заставить светила двигаться по выдуманному небу как тебе хочется, но помимо прочего Диккенс считал себя частью актерского братства и много делал для благотворительности — именно ей и была посвящена его сегодняшняя речь в фонде. Диккенс всегда тянулся к простым людям — это одновременно беспокоило и восхищало Форстера.

— Правда, хорошенькая, что скажешь? — произнес писатель, прижав к себе малышку. — Ох, кажется у нас сегодня температурка, да, моя девочка? — И он поцеловал Дору в лобик. — Ну ничего, зато мы ее развеселили.

«И вот прошло несколько часов, и он говорит свою речь и блистает, — подумал Форстер. — Собралась толпа народу, все слушают в восхищении, а уж Диккенс, если заведет свои трели, тут любое сердце дрогнет».

— В нашем фонде, — вещал Диккенс, — не существует такого понятия, как исключительность. Все актеры равны, будь ты Гамлет или Бенедикт, призрак или бандит, или даже простой воин королевской армии. Чтобы сыграть свою роль, актер

отрывается от собственной жизни, в которой есть и болезни, и страдания, и, увы, смерть... Между тем...

Раздались робкие аплодисменты, но они быстро стихли, потому что все знали, что две недели назад у Диккенса умер отец. Как он сам рассказал Форстеру, операция по удалению камней из желчного пузыря оказалась неудачной, и старик умер «с распоротым животом в луже собственной крови».

— Между тем, — продолжил речь Диккенс, — нам приходится заглушать собственные чувства, скрывать боль сердца, чтобы отважно выполнить актерский долг.

После выступления Форстер отвел патрона в сторонку.

— Боюсь, что... — робко начал он. — Одним словом... — Это уже было больше, чем одно слово, но Форстер по-прежнему не находил в себе сил произнести главное.

— Да что такое? — спросил Диккенс, смотря куда-то в толпу через плечо Форстера. Он перевел счастливый горящий взгляд на секретаря:

— Да говори же наконец, мой дорогой братец мастодонт.

Диккенс все еще был настроен на радостный лад, отпуская шуточки, он все еще был возбужден успехом, и тем труднее казалась задача, которую Форстер должен был выполнить.

— Малышка Дора... — нерешительно произнес он. Губы его дрогнули, не в силах закончить предложение.

— Дора? И что же?

— Я... — Форстеру хотелось так много сказать Диккенсу, но он не мог найти правильных слов. — Чарльз, мне очень жаль... — Форстер уже корил себя за поспешность, потому что все это было неправильно, стоило изложить как-то по-другому. Он всплеснул рукой — его обычный жест, когда нужно что-то доказать, но сейчас доказывать было нечего. Форстер грузно привалился боком к стене — даже его огромность казалась ему сейчас неуместной.

— Короче, у нее начались судороги, и... — наконец выдавил он.

— Когда? — спросил Диккенс.

— Три часа назад. Сразу после нашего отъезда.

Шел год 1851-й. Великая лондонская выставка¹, проходившая в стеклянном павильоне, явила собой торжество человеческого разума. Но писатель Дуглас Джерролд высмеял и саму выставку, и Хрустальный дворец. Тогда же в Нью-Йорке вышел роман² о том, как был обнаружен наконец леген-

¹ Великая выставка промышленных работ всех народов (*англ.* The Great Exhibition of the Works of Industry of All Nations), проходившая в лондонском Гайд-парке с 1 мая по 15 октября 1851 года. Она стала вехой в истории промышленной революции. Из-за участия многих стран вскоре ее назвали «всемирной».

² «Моби Дик, или Белый кит» (*англ.* Moby-Dick, or The Whale, 1851) — основная работа Германа Мелвилла, итоговое произведение литературы американского романтизма. Книга с многочисленными лирическими отступлениями, проникнутая библейской образностью и многослойным символизмом, не была понята и принята современниками. «Переоткрытие» романа «Моби Дик» произошло в 1920-е годы.

дарный белый кит. Книга потерпела неудачу. В это же самое время в сером и гремящем порту города Стромнесс, Оркнейские острова, леди Джейн Франклин провожала в белое ледяное никуда вторую из череды многих неудачных экспедиций, пытавшихся обнаружить еще одну «легенду» — ее пропавшего мужа.

Глава 3

Маленькая девочка что есть мочи неслась через заросли травы валлаби¹ почти с нее ростом. Ей доставляло радость чувствовать, как обвивают ее лодыжки шелковистые нити в капельках росы, ощущать подошвами ног землю: летом такую влажную и мягкую, а зимой — сухую, покрытую слюдяной коркой. Девочке было семь лет, и все ей казалось новым и необычным — и эта прекрасная земля, от которой исходили внутренние токи, пронизывающие ее детское тельце от пяток до макушки, а потом устремляясь вверх, к солнцу, и сам процесс стремительного бега. Даже страх и осознание того, что нужно нестись без остановки, были упоительными. Девочка уже слышала истории про духов, умеющих летать, и вдруг подумала, что, если побежать еще быстрее, возможно, она тоже поднимется над землей и скорее достигнет того места, где ей необходимо было оказаться. Но тут она вспомнила, что летают только духи мертвых, и решила все-таки просто бежать.

¹ Трава валлаби — дантония длиннолистная (*англ.* wallaby grass). Валлаби — небольшие кенгуру, обитающие в Австралии, Тасмании и Новой Гвинее. В рацион валлаби входят листья кустарников и дикие травы, такие, в частности, как дантония длиннолистная.